

По дороге домой позвонила Цин Чжэнь-Чжэнь. После того как Цао Е прервал её видеозвонок, они больше не связывались. Цао Е ответил. Голос Цин Чжэнь-Чжэнь звучал обиженно:

— Почему ты мне не звонишь?

«Разве всё уже не закончилось само собой?» — хотел сказать Цао Е, но на выдохе произнёс:

— Жду, когда ты позвонишь.

— Я тут чуть не умерла от злости, а ты, наверное, меня совсем забыл?

Цао Е усмехнулся:

— Кажется, это так.

— Ты! — Та сторона не смогла ничего сказать от возмущения.

— Иди спать, будь послушной, — успокоил Цао Е. — Поговорим, когда я протрезвею.

— Ты выпил? — настороженно спросила Цин Чжэнь-Чжэнь. — С кем?

— С девушкой...

— Приезжай за мной сейчас, — Цин Чжэнь-Чжэнь, похоже, действительно поверила. — Я жду тебя у входа в академию.

— Давай завтра, — пьяный Цао Е хотел побыть один.

— Ты обязан приехать, — настаивала Цин Чжэнь-Чжэнь. — Если ты не приедешь, то... в общем, ты обязан приехать! Я буду ждать тебя весь вечер у входа в академию, а если ты не приедешь, я буду ждать бесконечно! — выпалила она и повесила трубку.

Это был первый раз, когда кто-то прервал вызов Цао Е. Это чувство было необычным... Он равнодушно бросил телефон, откинулся на спинку сиденья и повернулся к окну, наблюдая за проплывающим пейзажем. Спустя некоторое время, он понял, что что-то не так:

— Куда мы едем?

— На улицу Иньсы, — обернулся водитель. — Разве вы не туда хотели?

Цао Е нахмурился:

— Кто сказал, что я хочу на улицу Иньсы?

— Вы, — водитель поспешил объяснить, боясь обвинений. — Вы сказали, когда селись в машину.

— А? Я сказал? — Цао Е рассмеялся. — Ладно, забыли. Не на Иньсы, поехали в Пекинскую киноакадемию. — Посмотрю на Цин Чжэнь-Чжэнь, нельзя же оставлять девушку ждать всю ночь у входа...

Машина остановилась у входа в Пекинскую киноакадемию. Цин Чжэнь-Чжэнь вытягивала шею, с нетерпением ожидая его [1]. Увидев, как Цао Е выходит из машины, она вздохнула с явным облегчением. Удовлетворение победой она прикрыла притворно надменным тоном:

— Я знала, что ты приедешь!

[1] Идиома 望穿秋水 (děng de wàng chuān qiū shuǐ) буквально переводится как «ждать, пока вода станет осенней» — ждать очень долго и с нетерпением. «Осенняя вода» используется здесь метафорически, чтобы подчеркнуть длительность ожидания и то, как сильно человек сосредоточен на объекте своего ожидания, что даже вода кажется ему изменившейся от долгого ожидания.

— Да? Я и сам не знал... — Цао Е кивнул в сторону. — Пойдём прогуляемся, помоги мне протрезветь.

Они шли по улице уже минут десять, оба молчали. Цин Чжэнь-Чжэнь ждала, что Цао Е заговорит первым, но не дождалась и наконец, не выдержав, спросила:

— Ты в последнее время очень занят?

— Занят, ну да, более-менее. — Цао Е и Цин Чжэнь-Чжэнь поднялись на эстакаду. Голова сильно кружилась. Он остановился у перил, облокотился на них, и, наклонившись, смотрел на проезжающие мимо машины.

— Занимаешься пересъёмками «Рокового выбора»?

— Дело не только в этом фильме... — ответил Цао Е.

— Фотография Ляна Сычжэ в гриме такая классная, — Цин Чжэнь-Чжэнь не знала о чём ещё говорить.

«Опять Лян Сычжэ, — раздражённо подумал Цао Е. — Линь Хуань говорила о Лян Сычжэ, Цин Чжэнь-Чжэнь говорила о Лян Сычжэ, Чэн Дуань говорил о Лян Сычжэ, Цао Юйнин говорил о Лян Сычжэ. Вся компания сейчас обсуждала только Лян Сычжэ. Разве больше не о ком поговорить?»

— Тебе он нравится? — спросил Цао Е, прислонившись лбом к своей руке и закрыв глаза.

— А кому он не нравится? — Настроение Цин Чжэнь-Чжэнь улучшилось, поскольку Цао Е специально приехал к ней поздно вечером, и её тон стал более расслабленным. — Если он тебе не нравится, зачем пригласил его на пересъёмки?

— Послушай, до этого мы приглашали Хуан Цяньши, но не потому, что он нам нравился. В бизнесе не всё зависит от симпатий.

— Точно, — Цин Чжэнь-Чжэнь согласилась, кивнув. — Значит, Лян Сычжэ тебе не нравится?

— Я... — Цао Е действительно задумался над этим вопросом. А нравился ли ему Лян Сычжэ? Поразмыслив немного, он понял, что пьян и засмеялся. — Что за ерунда, мне нравится мужчина?

— Это не та самая любовь, как ты вообще до такого додумался? — засмеялась Цин Чжэнь-Чжэнь. — Я же знаю, что ты не любишь мужчин!

Да, Цин Чжэнь-Чжэнь права. Как он вообще до такого додумался? Он с трудом вытащил из пропитанного алкоголем мозга кусочек ясности, нахмурился, подумал, открыл глаза, посмотрел на проезжающие под эстакадой машины и медленно сказал:

— Я... раньше он мне нравился, потом какое-то время я его очень сильно недолюбливал, потом я его ненавидел, потом я подумал, что ему тоже непросто, и перестал его ненавидеть, а потом начались эти пересъёмки...

Цин Чжэнь-Чжэнь запуталась в его «потом»:

— Почему ты его ненавидел? — Она посмотрела на Цао Е. Он рассеянно смотрел вдаль. У него были очень красивые глаза и брови, не такие, как у его знаменитого отца, режиссёра Цао Сююаня. В нём не было ни капли чопорности, обычно они придавала его лицу лёгкость и добродушие, что очень нравилось людям. Но сейчас Цао Е не улыбался, на лице, в глазах и бровях читалась лёгкая меланхолия:

— Наверное, потому что его не было рядом, когда я больше всего нуждался в нём...

— Вы так близко знакомы? — Цин Чжэнь-Чжэнь широко раскрыла глаза, её любопытство разгорелось.

Как только она задала вопрос, Цао Е понял, что сегодня слишком много болтает. Он действительно ненадёжен, когда пьян, и говорит обо всем, что взбредёт в голову. Он бросил взгляд на Цин Чжэнь-Чжэнь и улыбнулся:

— Ты действительно в это поверила?

Он снова улыбался как обычно. Цин Чжэнь-Чжэнь опешила и вдруг поняла, что Цао Е не питает к ней искренних чувств. Цао Е общителен, молод и хорош собой, не заносчив, любит шутить, всегда готов помочь, и Цин Чжэнь-Чжэнь ошибочно полагала, что у неё есть шанс дождаться его расположения. Но мгновенная перемена в лице Цао Е заставила её понять, что она всего лишь незначительное развлечение в его жизни. Он общался с ней так же, как Лян Сычжэ общался с прессой — внезапно у Цин Чжэнь-Чжэнь возникла такая ассоциация — в хорошем настроении много говорил, в плохом — разворачивался и уходил. Лян Сычжэ не волновало, что напишут о нём СМИ, Цао Е не волновало, расстанутся они или нет. Цин Чжэнь-Чжэнь не могла понять, почему у неё возникла такая ассоциация, возможно, когда Цао Е произнёс фразу «Ты действительно в это поверила?» он действительно был очень похож на Лян Сычжэ.

— Почему ты так смотришь? — Цао Е снова улыбнулся ей.

Цин Чжэнь-Чжэнь хотела решительно сказать о расставании. У неё была куча поклонников, зачем ей быть незначительным развлечением в жизни другого человека? Но, как ни старалась, она так и не смогла этого сказать.

— Просто ты красивый, — натянуто улыбнулась она.

После ухода Цао Юйнина несколько дней не было никаких новостей. Он не приходил в компанию, и Цао Е не стал звонить ему. Цао Е уже понял, что желание Цао Юйнина пройти практику в Luomeng было предлогом для встречи с кумиром. Теперь, когда эта мечта рухнула, он, естественно, не хотел приходить. Но семнадцать-восемнадцать лет — возраст, когда нужно гулять. Цао Е подумал, что Цао Сюянь слишком строг к Цао Юйнину. Для сравнения, Цао Сююань, хотя и ругал его за беспечность, всё же не заставлял его делать то или это... А, может быть, просто не хотел им заниматься. Цао Сююань относился к своим актёрам внимательнее, чем к собственному сыну.

Пока Цао Е думал об этом, телефон на столе завибрировал. Он взглянул на экран — сообщение о транзакции по кредитной карте — Цао Юйнин потратил более 10 000 юаней. Неужели купил девушке сумку? Влюбился? Сначала Цао Е не придавал этой трате особого значения. Цао Сюянь всё же оказал ему услугу. Три года назад он, скорее всего, преследовал коммерческие интересы, но если бы Цао Сюянь не помог ему тогда, неизвестно, что стало бы с компанией Luomeng. К тому же Цао Юйнин был его двоюродным братом, отношения у них всегда были хорошими, и Цао Е никогда не жалел для него денег. Днём пришло ещё одно сообщение о трате почти 20 000 юаней. Две сумки за день? Этот маленький паршивец был очень щедр,

когда тратил деньги с чужой карты.

Три дня подряд на телефон Цао Е приходили сообщения о расходах. Вечером третьего дня он наконец позвонил Цао Юйнину:

— Ухаживаешь за девушкой?

Цао Юйнин чувствовал себя виноватым из-за расходов и сразу же стал объяснять:

— Брат, как только отец разблокирует карту, я сразу же всё верну!

— Где ты? — Цао Е услышал шум вокруг него, похоже, он находился в людном месте. — Опять в торговом центре? Что ты собираешься купить сегодня?

— Не лезь в мои дела, брат! — Цао Юйнин бросил трубку.

«Хм, тратит мои деньги, а я не имею права вмешиваться. Разве это нормально?» — Цао Е почувствовал неладное. Шум, который он слышал, не был шумом торгового центра, больше похоже съёмочную площадку... Неужели Цао Юйнину понравилась какая-то актриса?

В это же время работник съёмочной группы «Рокового выбора» стоял у входа в павильон и кричал всем уходящим:

— Обед! Лян-лаоши снова оплатил обед для всей съёмочной группы!

Лян Сычжэ смывал макияж в гримёрке, наклонившись над раковиной. Услышав шум снаружи, он на мгновение остановился. Сун Цинъянь протянула ему полотенце и подозрительно посмотрела на улицу:

— Сычжэ-гэ, что происходит? Уже третий день подряд, кто-то заказывает еду для съёмочной группы от вашего имени...

Лян Сычжэ умыл лицо, выпрямился и взял полотенце:

— Посмотри, что заказали сегодня.

— Слушаюсь! — Сун Цинъянь положила вещи на диван и побежала наружу. Через мгновение она вернулась, закрыла дверь и тихо, с нескрываемым удивлением, сказала:

— Сегодня ещё круче, чем вчера! Заказали еду из «Су Сао», и ещё десерты из «Хуаши». Боже... как будто кто-то устраивает фан-встречу с айдолом! Не слишком ли это роскошно?

— Тебя просили узнать, кто это заказал. Ты выяснила?

— Нет... я звонила в ресторан, но заказывали на фальшивые имена. Очень сложно выяснить, разве что обратиться в полицию за выпиской звонков, но, похоже, в этом нет необходимости...

— Этот парень, — Лян Сычжэ повесил полотенце, — двоюродный брат Цао Е, он здесь все эти дни?

— Кажется, да... — Сун Цинъянь повернулась, открыла дверь и выглянула. Затем быстро спряталась. — Он смотрит на нашу гримёрку! Я только что с ним встретила взглядом! Неужели это он?

Лян Сычжэ взял телефон и подошёл к Сун Цинъянь:

— Пойдём. Сегодня ночью нет съёмок, поужинаем где-нибудь.

Сун Цинъянь подвинулась, пропуская его, и, услышав это, распахнула глаза:

— Сегодня съёмочная группа будет есть еду из «Су Сао», а мы идём есть ещё куда-то?!

Лян Сычжэ открыл дверь, и, не оборачиваясь, бросил фразу:

— Если хочешь, оставайся. — И быстро вышел из гримёрки.

Сун Цинъянь поспешила за ним:

— Нет-нет, я с тобой!

Она подумала: «Какое расточительство... Почему все хорошие события случаются одновременно? Как сложно сделать выбор!» Она бежала за Лян Сычжэ, чтобы не отстать, но он направился не к выходу, а прямо к парню — двоюродному брату Цао Е, Цао Юйнину.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130243>